

«КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ИМПЕРИИ» АНДРЕЯ БИТОВА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ

В статье рассматривается книга А. Битова как повествование, в котором отражена авторская рефлексия по поводу увиденных пространств бывшей советской Империи, социальных связей, творческого опыта друзей, судеб современной цивилизации. Контакты с творческими людьми воспринимаются автором как философски значимые и этические уроки. Постоянная фиксация внимания на таких уроках обеспечивает всему произведению его концептуальную целостность.

Ключевые слова: эссеизм, рефлексия, этический опыт, ценностные координаты, цивилизация, приватное.

Книга А. Битова собиралась и пополнялась на протяжении нескольких десятилетий. Она имеет целый спектр концептуальных измерений – персонально-неповторимое, общественно-роевое, государственно-надличностное, соотносимое с имперским размахом, наконец, планетарно-общечеловеческое. Это та шкала ценностных координат, с которой сверяет себя человек, вышедший из советских измерений жизни. У такого человека есть и свои психотравмы от пережитого, и опыт своеобразной персональной Робинзонады как способа существования в имперской утесненности, и апелляция к широкому спектру общечеловеческих концептов. У каждой из сфер подобного жизненного опыта вполне естественно формируется своя оценочная линейка, свой смысловой масштаб. В самом деле, то, что крайне важно в рамках индивидуально-психологического переживания, может быть совершенно незаметным в надличностном контексте государственных доминант и предпочтений. То, что значимо для национального государства, не будет являться таковым для империи. Ну а имперские ключевые категории могут совершенно потускнеть, будучи рассмотренными с чрезвычайно широких позиций общечеловеческих ценностей. У человека рефлектирующего во всех этих случаях будут разные горизонты ожидания.

Отдельные части повествования А. Битова географически и топографически связаны с разными точками бывшего Советского Союза. Тут и неоглядные просторы азиатской территории, и армянские древние твердыни, и плодородные долины Грузии, и Куршская коса на балтийском побережье. В книге найдем и отдельные подробности многочисленных путешествий автора, и мимолетные беседы, и занятные внешние детали открывающегося повествователю мира... При этом осмысливая наблюдаемое, Битов извлекает в каждом отдельном факте некий универсальный смысл, что и понятно, ибо странствия ведут автора к обретению подлинно достойного места человека на Земле, к постижению глубинной сути странных и порой зловещих исторических парадоксов, загадок совокупного бытия людей. Все зависит от авторской установки, от избираемой писательской «оптики».

---

* © Голубков С.А., 2017

Голубков Сергей Алексеевич (golubkovsa@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор наполняет эту удивительную книгу глубокими размышлениями, разбрасывает на ее страницах множество попутных комментариев, окрашенных эмоциями лирического приятия или, напротив, иронического осуждения.

Характерен раздел «Птицы, или Новые сведения о человеке». С одной стороны, это неторопливый рассказ о многочисленных визитах автора на знаменитую Куршскую косу, где находится научная биостанция орнитологов, увлеченно исследующих маршруты миграции перелетных птиц. А с другой стороны, перед нами многослойное повествование, имеющее в своем составе и философски-содержательный антропологический этюд, и остросовременный экологический очерк, и эмоционально окрашенное эссе. Автор пишет о своем удивлении, которое вызывают человеческая ограниченность и косность сознания, отсутствие трепетного отношения к грандиозной природе. «Я слишком много помню марок автомобилей и телевизоров, больше, чем трав и деревьев. Невежество и есть невежество. Вот что так окончательно и останется для меня неразъято-странным: не знать всего этого для нас естественно. Мне не понравится человек, зазубривший из снобизма вопреки всем имена мышей и травинки. Он будет вычурен, как сумасшедший, ненатурален как раз со своим натурализмом, искусственен. Не знать в век науки свойственно, как дышать. Это меня и изумляет. Всегда кто-то и что-то знает не то, что все. Неужели все не знают одного и того же?..» [1, с. 241–242] Каждый читатель, вникнув в эти слова, может тут же поймать себя на тотальном незнании всех тех окружающих каждодневных реалий (породы деревьев, виды животных, признаки биологических процессов, разновидности минералов, названия метеорологических процессов и т. д. и т. п.), пока интерес к подобным вещам не будет актуализирован в связи с какой-то конкретной ситуацией.

По мнению А. Битова, только с помощью таких бесхитростно-детских вопросов и можно подойти вплотную к серьезному осмыслению бытийных, сущностных первооснов. Так, автор интересно рассуждает о той робости, которую испытывает человек перед разными средами (океанские глубины, небесные сферы), изначально чуждыми и недоступными ему. Но, может быть, в этом и заключается кардинальное отличие человека от всего живого, что ему подвластна особая сфера: «Лишь сфера духа является для человека доступной однородной средой. Высшая мысль доступна каждому, ее можно подумать разным людям в различных точках Земли и времени, то есть к ней ведут любые пути, но она сама, достигнутая, будет одна и одинакова. Лишь на самом верху мы будем иметь окончательно общую природу, отменяющую одиночество, ту общую природу, с которой мы рождены... Если кто-то дошел до Истины и еще кто-нибудь дойдет до нее, то это будет та же Истина, пути пересекутся. Окончательно равны мы лишь в самом низу (прах) и на самом верху; остальное — пути. Притомившись, странники смотрят в море и в небо — горизонт отступает, и небо все так же высоко» [1, с. 242].

Открывая книгу, написанную в жанре повествования-путешествия, обычно ждешь череды описываемых событий, активных перемещений повествователя в пространстве, целых коллекций колоритных деталей и подробностей, калейдоскопически пестрых картинок. Такие явления пунктирно обозначены в книге А. Битова. Но не они доминируют, не они определяют жанровую природу произведения. Писателя интересуют явные и неявные связи между внешними предметами и созерцателем. Эти семантически емкие имплицитные и эксплицитные связи надежно цементируют художественную систему произведения, определяют оптимальный масштаб авторского видения. Суетные мелочи повседневности органично соседствуют в авторском мире с символической обобщенностью. Общечеловеческое пробивается сквозь мелкие реалии сущего, предстает во всем своем беспредельно широком и значимом развороте.

Как известно, в художественном произведении активно соотносятся между собой два повествовательных плана: план изображения и план выражения. У разных писателей складываются различные варианты соотношения таких планов. Так, у В. Набокова доминирует план изображения, зарисовки писателя имеют и самостоятельный смысл, а не только выполняют художественную функцию необходимого служебного элемента в структуре произведения. Предмет откровенно нагляден, он обрастает огромным множеством вероятных ассоциативных связей. В книге А. Битова изображаемое чаще лишь изначальный повод для рождающейся мысли, специфический «перволточок», сигнал, рождающий глубокое эмоциональное потрясение. Перед нами явная и вполне объяснимая гипертрофия плана выражения. План выражения разрастается, ведет к диктату субъективного впечатления, которое производит на автора и людское множество, и ландшафтные панорамы, и отдельная предметная деталь. Совокупность впечатлений гарантирует целостность восприятия, концептуальную выверенность создаваемой картины сущего. Автор ищет основания, опираясь на которые, случайная мозаика способна стать стройной системой.

Центральное место в книге А. Битова занимают три стилистически тонко прописанных портрета. Это портреты друзей автора, людей, имеющих ярко выраженную духовную индивидуальность: Тимура Пулатова, Резо Габриадзе, Гранта Матевосяна. Их творческие миры различны по своей привязке к географическому пространству, по своему индивидуальному способу художественного обобщения, по локальной этнической традиции, по отражению персонального психологического опыта. Автор портретов пытается отнестись к каждому этому опыту как к чрезвычайно важному для него самому уроку. Обращаясь к Тимуру Пулатову как к автору известной повести «Владения», он пишет: «Не «кое-что еще» о коршуне, неведомое людям, поведал ты, а всего коршуна ощутил, не впав ни в ошибку специалиста, ни в ошибку анималиста. Ты не очеловечивал зверя — не дегуманизировал человека: истинно писательская сила! Потребовалось одно условие — одиночество птицы. Не оно же ли владеет пишушим за столом? И бумага превращается в пустыню, в суслика, в шорох крыльев... в отсутствие себя. Мир изученный и мир постигнутый — два мира. В одном мы пробуем устроиться, другой — описать. Изучают снаружи, постигают изнутри. Изучаются свойства, часть, постигается — суть, целое» [1, с. 334]. Тут А. Битов пишет не только о поразивших его особенностях художественной манеры Т. Пулатова, он задумывается и о том, что волнует его самого. Секрет собственного творческого уединенного погружения в отображаемый мир и перевоплощения этого мира — те извечные тайны мастерства, которые волнуют, наверное, всех художников.

А. Битов воодушевлен и творческой манерой своих друзей, да и просто их человеческим обликом. При этом он отстаивает свое авторское право повышать градус искренности, выражая такое восхищение. Так, описывая свое впечатление от книги Гранта Матевосяна «Мы и наши горы», Битов размышляет: «Невероятное количество подобий окружает нас. И травинка, и дерево, и смена дня и ночи, и смена времен года, и житие чувства — такие разные вещи — имеют между собой, при всех различиях, нечто общее, и это общее является основным признаком, качеством и законом каждого из разных предметов и явлений. Это качество и закон — жизнь. Улавливать это общее биение всего живого дано Г. Матевосяну. Окружающий мир оплодотворяет его и пульсирует в нем, как плод. Рожденная им проза подобна жизни и сама есть жизнь. “От пастуха Ованеса родился пастух Есаи, от пастуха Есаи родился пастух Айказ, от пастуха Айказа родился Степан, но Степан уже не пастух...”». Эта библейская фраза — маленькое зеркальце, но отражение в нем подобно всей повести в целом, ее смыслу» [1, с. 365].

Прочитав данное рассуждение А. Битова, я вспомнил свое первое собственное читательское впечатление от книги Г. Матевосяна «Мы и наши горы». От этой по-семейному теплой книги исходили токи добросердечия, автор ощущал радость от принадлежности к совокупному «мы» соплеменников, он чувствовал исконную породненность с пространством гор, со старинными культурными кодами. Эта книга заряжала оптимистическим мироощущением, позитивной энергией автора.

И становится совершенно понятно, почему, завершая раздел своей книги, включавшей портреты упомянутых друзей, Битов вводит в текст слова прямой благодарности: «Вот три друга и три портрета. Без них бы я ничего не увидел, не понял и не написал своих путешествий. Они провели меня, чужака и слепца, за руку по неровной земле, на которой сами родились и жили. Что книга!.. Без них бы я не выдюжил даже собственной жизни. Благодарность – недурная традиция...» [1, с. 381–382].

Книгу Битова можно назвать книгой уроков. Тут и весьма поучительный урок отстраненно-параллельного существования на пространствах огромной Империи. Можно, кстати, вспомнить аналогичные поэтические размышления И. Бродского об опыте приватной жизни отдельного человека в империи («Письма римскому другу», «Письма династии Минь»). Вспомним хрестоматийные строчки:

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца [2, с. 270].

Уроки, в самом деле, разные. Не менее важен урок человека, размышляющего об условности различных границ. Ценен и урок установления персональных связей с многомерным Целым культуры [3].

А. Битов как художник тяготеет к эссеистическому творческому мышлению, предполагающему свободную рефлексию по поводу окружающей жизни. Перед нами беспредельно раскрепощенный текст, позволяющий догадываться о самом широком круге вероятных ассоциаций.

На обложку книги А. Битова вынесены примечательные слова автора: «Роль писателя не стоит преувеличивать. Все, что писатель может сделать, – это отразить мир. Он зеркало. В шестидесятые у меня была страсть к путешествиям. Я путешествовал вполне обдуманно. Меня манило в дорогу. Так начала складываться книга. Зеркало – не зеркало, а некий довольно легкомысленный, но все же портрет поздней империи...» [1]. Вдумаемся в последние слова. «Портрет поздней Империи» – интригующая формула-ключ, отсылающая к специфике жанра книги, объясняющая художественную логику и целостность всего текста.

Библиографический список

1. Битов А.Г. Книга путешествий по Империи. М.: Олимп; АСТ, 2000. 720 с. (Отражение XX век).
2. Бродский И.А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. Т. 1. Стихотворения / сост. В.И. Уфлянд; художник С.В. Баленок. Минск: Эридан, 1992. 480 с.
3. Дудек-Листван Т. А. Битов – человек, труд, мысль. Б. м., 2007.

References

1. Bitov A.G. *Kniga puteshestvii po Imperii* [The Book of journeys through the Empire]. M.: «Izdatel'stvo «Olimp»; «Izdatel'stvo AST», 2000. 720 p. (Reflection of the XX century) [in Russian].
2. Brodsky I.A. *Forma vremeni: Stikhotvoreniia, esse, p'esy. V 2 t. T.1 Stikhotvoreniia / Sostavil V.I. Ufliand; Khudozhnik S.V. Balenok* [Form of time: Poems, essays, plays. In 2 Vols. Vol. 1. Poems. Compiled by V.I. Ufliand; Artist S.V. Balenok]. Mn.: Eridan, 1992. 480 p. [in Russian].
3. Dudek-Listvan T. A. Bitov – man, work, thought. B.g., 2007 [in Russian].

S.A. Golubkov*

**«THE BOOK OF JOURNEYS THROUGH THE EMPIRE»
BY ANDREI BITOV IN THE SYSTEM OF VALUE COORDINATES**

The article discusses the book by A. Bitov as narrative which reflects the author's reflection on the seen spaces of former Soviet Empire, social relations, creative experience of friends, fates of modern civilization. Contacts with creative people are perceived by the author as philosophically meaningful and ethical lessons. Permanent fixation of attention on these lessons provides all the product of its conceptual integrity.

Key words: essays, reflection, ethical experience, value coordinates, civilization, private.

Статья поступила в редакцию 26/XI/2016.
The article received 26/XI/2016.

---

* *Golubkov Sergey Alekseevich* (golubkovsa@yandex.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.